

Н. А. Морозов

**Христос. История человеческой культуры в
естественно-научном освещении**

Книга 3. Бог и Слово

УДК 93
ББК 63.3
М80

М80 **Морозов Н.А.**
Христос. История человеческой культуры в естественно-научном освещении: Книга 3. Бог и Слово / Н. А. Морозов –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 752 с.

ISBN 978-5-458-64641-3

ISBN 978-5-458-64641-3

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕЙ КНИГЕ.

Это исследование, которому я дал общее название «Христос» (понимая такое слово не в одном евангельском смысле, а по его греческому значению «посвященный в тайны оккультных наук») было задумано мною еще в уединении Алексеевского рavelина и в первые годы заточения в Шлиссельбургской крепости, после того как мне стали давать для чтения книги исключительно религиозного содержания. А написано оно было в разгар общественной бури, когда все кругом как бы рушилось, словно при землетрясении. И оба эти условия работы наложили на него свои неизгладимые следы. Приходилось обдумывать вразброд то ту, то другую деталь и записывать урывками, то здесь, то там, часто в холоде и голоде, с постоянными перерывами и переездами из одного места в другое для совершенно посторонних дел. Казалось иногда, как-будто летишь на аэроплане, который все время неожиданно делает мертвые петли, и писать успеваешь лишь в те моменты, когда, перевернувшись, снова оказываешься головою вверх.

Вот почему в этих книгах нет окончательной шлифовки, и вся моя работа похожа на статую, вырубленную топором из мягкого мрамора. Но все же она в общих чертах — законченная статуя, и имеет некоторое грубое сходство с былой действительностью, тогда как прежние повествования по древней истории представляют собой, мне кажется, простой мираж, показывающий нам роскошные висячие сады Семирамиды в таких местах давно минувшей пустыни, где в действительности ничего не было кроме груд песка да прослойки чахлой растительности.

Как в первой книге я положил в основание астрономию, а во второй—геофизику, так и здесь я употребляю, главным образом, психологическую обработку наших первоисточников, рассматри-

вая их прежде всего с точки зрения апперцепций первобытного человеческого ума, т.-е. несходств восприятий у слушающего или читающего с восприятиями говорящего или пишущего о чем бы то ни было, особенно когда дело касается сложных и волнующих массы событий жизни. Благодаря этому, одно и то же происшествие, соединившееся с деятельностью того или иного популярного лица, получает тем большее количество вариантов, чем шире и глубже оно захватило общественную жизнь. И это особенно ярко проявлялось во время оглушительных взрывов вулканической деятельности Везувия, Этны и Флегрейских полей и следовавшего за ними оживления работы подземных сил почти на всех побережьях Средиземного моря в IV и V веках нашей эры, — работы, которую народное воображение неразрывно соединило с жизнью присутствовавших в особенно пострадавшей местности трех народных вождей, получивших имена Избавителя (Моисея), Просветителя (Арона-Ария) и Спасителя (Иисуса).

Отголоски этого взрыва подземных сил прокатились могучими волнами не только по одной атмосфере земного шара, но и по душам почти всего населения Старого света, вплоть до отдаленных Тибета и Индии, породив много апперцепционных вариантов в представлениях об одном и том же событии и различных рассказов об одних и тех же только что поименованных деятелях и ученых, не говоря уже о их последующих апостолах — Симоне, прозванном Камнем (Петром), Иоанне, прозванном Златоустом, Абуле Каземе, прозванном Достославным (Магометом), Гаутаме, прозванном Мудредом (Буддой) и сыне Ламы (Вар-Ламе), которого с новой точки зрения на хронологию приходится признать родоначальником индусского «богословия» (брамаизма — по-санскритски).

Но само собой понятно, что раньше, чем перейти к разбору всех отдаленных отпрысков той же самой сложно единой мистической теологии, мне необходимо было написать, так сказать, лингвистическую интермедию, которой посвящен весь пролог этой книги «Христа», и показать, прежде всего, искусственность латинского, древне-еврейского и санскритского языков, на которых изложены главные из упомянутых апперцепций. Благодаря этому, здесь, в III книге, меньше точных астрономических определений времени тех или иных событий или документов, но это будет пополнено в следующих томах.

Давая некоторые методы для лингвистического исследования первоисточников (путем лингвистических спектров и фонетического состава языков), я не коснулся здесь обычной современной палеографии, так как считаю ее наименее надежным средством, вследствие того, что предшествующий характер письма сохранился в глухих провинциях еще долго после того, как в столицах перешли к новому почерку. Ведь в старину писать учились только частным образом, у отдельных лиц, без общего государственного контроля над школами, как теперь. Да и после напечатания книг с них еще долго снимались рукописные копии, благодаря отсутствию книжных магазинов в провинции и трудности получать печатные книги из столицы без правильных почтовых сообщений, так что не всякий рукописный документ, даже и написанный старинным почерком и тростью вместо гусиного пера, можно считать предшественником книгопечатной эры.

Только после упомянутой мною филологической интермедии, совершенно необходимой для дальнейшего хода моих выводов, а также и для понимания некоторых моих соображений в предшествовавших томах, я и решаюсь в этой третьей книге приступить к выяснению первостепенного значения психической апперцепции для развития мифов и всех вообще древне-исторических сказаний. Я хочу показать, что она—главный фактор первобытного коллективного творчества, когда в развитии повествования участвовало огромное количество лиц. Только то, что создано ею, и может быть названо народным эпосом. При спокойных условиях жизни, это—фактор часто эволюционный, а при общественных катастрофах эта апперцепция может вызывать и очень резкие изменения в рассказе, вдруг изменяя отношение передатчиков к его героям или дислоцируя рассказ в пространстве и во времени, т.-е. перенося события в какую-либо мало известную страну, куда трудно добраться, или перебрасывая рассказ в такое отдаленное время, в котором с ним не могут вступить в противоречие никакие уже существующие рассказы.

Замечательные случаи такого резкого действия апперцепции я уже показал в первых двух книгах этой моей работы, на перебросах библейских сказаний из Италии в Сирию и из IV века нашей эры в XI до нее, а здесь я привожу и разбираю несколько случаев чисто эволюционного действия той же апперцепции при разборе вариантов одних и тех же рассказов в библейских кни-

гах «Цари» и в «Заброшенной книге» (Паралипоменоне), а также и при сравнении однородных сказаний в евангелиях Марка, Матвея и Луки.

Наглядные сопоставления некоторых библейских и евангельских представлений о Вселенной и о ее жизни с современными, научными, особенно ясно показывают, что все эти старинные книги уже отжили свой век и что к библейским и евангельским рассказам, даже и просто как к источникам для изучения древней жизни, мы должны относиться с еще меньшим доверием, чем, например, к романам Дюма-отца при изучении истории французского народа.

Я еще раз напоминаю, что руководящим компасом моих изысканий служит основное положение, долженствующее лечь в основу рациональных социологии и истории: всякая цивилизация и в древности могла распространяться только таким же способом, как теперь: из богато одаренных природою областей в менее одаренные, из столиц — в деревни, а не наоборот. Особенно же невероятно, когда нам говорят, будто астрономия, высшая философия и даже сама грамотность пришли в столицы древнего мира откуда-то из кочевнических степей и даже чуть не из пустынь.

С рациональной точки зрения не могло быть ничего подобного, и даже приходится (по стратегическим соображениям) усумниться, действительно ли Константин I и его наследники жили в Истамбуле (который только европейцы, неизвестно с какого времени, называют Константинополем), а не в Александрии, и действительно ли Абул-Казем (он же достославный Магомет) бежал из аравийской Мекки в Медину, а не из египетского Мемфиса в Каир или что нибудь в роде этого.

Все подобные локализации, мало подходящие как со стратегической, так и с культурно-исторической точки зрения, должны быть подвергнуты строгой критической проверке, на основании только-что указанного основного закона распространения культуры, и потому нельзя упрекать меня за то, что я усиленно стараюсь это сделать в своем настоящем исследовании, хотя бы я тут в чем-нибудь и заблуждался.

Но до сих пор мне не было показано ни одной серьезной ошибки, кроме нескольких недосмотров чисто корректурного характера, которые я и исправил во втором издании I тома «Христа».

Из критических отзывов после выхода второй книги «Христа» я отмечу только ссылки на немецкую работу Франца Боля об Апокалипсисе.

Работа Боля вышла через несколько лет после того, как появилась (перед войной) на немецком языке моя книга «Die Offenbarung Iohannis» с напутственной статьей А. Дрекса и вызвала в немецкой прессе оживленный обмен мнений. Нет ни малейшего сомнения, что если-б мое вычисление времени гороскопа, данного в VI главе Апокалипсиса, определило конец I века нашей эры, то все теологи и ортодоксальные историки ухватились бы за него, как за неопровержимое астрономическое подтверждение правильности дат, даваемых старинными церковными писателями. Но, к сожалению, мое вычисление дало 30 сентября 395 года нашей эры, на триста лет позднее церковного, и признание его правильности означало, вместе с тем, и крушение всей церковной истории до начала IV века нашей эры. Боль, как историк, достаточно знакомый с астрономией, сразу понял серьезность создавшегося положения и потому, убедившись в безошибочности моих вычислений и в невозможности по ним другой даты, попытался в своей книге, написанной как бы совершенно независимо от моей, поколебать только базис моих вычислений, подсказывая читателю, что в шестой главе Апокалипсиса не заключается гороскопа, т.-е. что красный, белый, бледный и вороной кони на небе совсем не планеты Марс, Юпитер, Сатурн и Меркурий, а просто — что бы вы думали? Разноцветные ветры (!!), которые, как очень переменные, не могут быть никогда никем вычислены, а потому и всякая попытка вычисления тут отпадает!

Однако, кроме простой невозможности рассматривания кем-либо на небе бледных, красных, белых и вороных ветров (понадобившихся притом же исключительно, чтоб обойти мое вычисление) это невозможно в Апокалипсисе даже и в квадратной степени.

Как бы предусматривая, что кто-нибудь скажет такую удивительную вещь, чтоб поколебать его гороскоп, автор Апокалипсиса, описав в шестой главе своих коней-планет, говорит вслед за ними и о самих четырех (но уже бесцветных, как и следовало ожидать!) ветрах, объявляя их таким образом посторонними предметами по отношению к коням.

«После этого (т.-е. после рассмотрения на небе планет-коней) увидел я, — говорит он, — четырех ангелов, стоящих на четырех углах земли и держащих четыре ветра земли, чтобы не дул ветер ни на землю, ни на море, ни на какое-либо дерево» (Апок. 7, 1).

Значит, кони были не ветры, и все, что я говорил о них, — правильно.

А остальные возражения, приводимые мне некоторыми, в роде того, что будто бы созвездная Дева нарисована на какой-то средневековой карте с мечом, вместо пшеничного колоса, в руках (как-будто нарочно, чтобы поколебать мое определение Марса под мечом Персея!), еще менее убедительны, чем разноцветные ветры Боля.

Ведь главную и самую яркую звезду в созвездии Девы даже и «Птолемей» называет Колосом, а не мечом, да и до сих пор ее все так зовут. Когда же произошла такая перемена имени в противоположность основному астрологическому значению созвездия? Нарисовать эту Деву с мечом на небесной карте мог лишь какой-нибудь полусумасшедший астролог в роде того, который изобразил спасаемую Персеем нагую Андромеду с подобием мужского детородного органа (см. мою книгу «Пророки», где переснят его рисунок) и этим дал повод одному толкователю утверждать, что Андромеда в древности считалась гермафродиткой... Кроме того, замена колоса жнущей Девы мечом и придумана исключительно для того, чтобы лишить опоры мое, иначе роковое для всей старой хронологии христианства, астрономическое вычисление времени наблюдений автора Апокалипсиса в 395 году нашей эры.. Без этого такое грозное вооружение Девы никогда бы и в голову не пришло моим критикам.

Понятно, что подобного рода возражения (или два прочитанные мною увещания по адресу Государственного Издательства прекратить печатание моих книг о Христе) только подтверждают незыблемость моего астрономического базиса при вычислении времени возникновения Апокалипсиса, пророков и других древних сказаний, а с ним остаются непоколебленными и все мои остальные выводы.

Николай Морозов.

Научный Институт им. Лесгафта
Астрономическое Отделение
19 июня 1926 г.

ПРОЛОГ

ФЕРМЕНТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ И КУЛЬТУРЫ

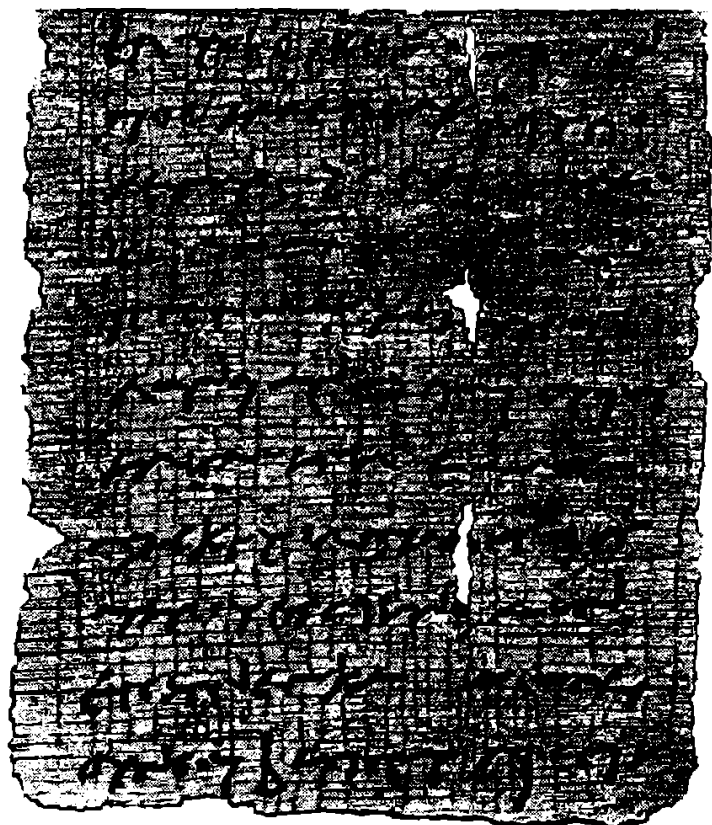

Рис. 1. Образчик старинного письма на папирусе. Один из греческих манускриптов, хранящихся в Британском музее.

ГЛАВА I.

ДРЕВНЯЯ КАББАЛИСТИКА КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ ГРЯДУЩЕГО МОГУЩЕСТВА СЛОВА.

Элементы языка впитывают в себя успехи познающей мысли и в свою очередь служат исходною точкою для ее последующего развития.

В. Богородицкий.

I.

Буквы-волшебницы.

Можем ли мы назвать ограниченные по своему числу звуки нашей речи и соответствующие им письменные значки литературы ферментами человеческой мысли и науки?

Мне трудно придумать для них более подходящее название.

Как в области физиологических процессов основную трансформирующую роль играют сравнительно ничтожные и ограниченные по численности своих молекул энзимы в роде пепсина, диастаза и выделений различных желез, так и эти немногие значки и звуки перерабатывают незаметно всю нашу общественную и личную жизнь. Без знакомства с их ролью в деле создания нашей психики нельзя сознательно отнестись к истории человеческой культуры, одному из отделов которой посвящена моя настоящая работа.

Мне неизбежно пришлось ввести в нее кроме астрономических, геофизических и других прологов и эту *лингвистическую интермедию*, которую я уже не могу назвать вступлением к какому-либо одному из отделов потому, что лингвистические соображения руководили косвенно моим путем во всех прежних выводах и будут руководить далее.

Поговорим прежде всего о началах письменности.

Помните ли вы то время, когда вы еще не умели читать? Помните ли вы, что вы думали тогда о читающих? Представьте себе, я помню!

В моем сознании сохранилось ясно, что искусство чтения я считал тогда безнадежно недостижимым для моей головы. Я помню, какими необыкновенными людьми, прямо волшебниками, я считал тех, кто умеет читать!

— Как могут они это делать помимо какой-нибудь таинственной силы? Как возможно, смотря на листок почтовой бумаги, разрисованный какими-то пестрыми узорами и присланный вам в конверте иногда совсем незнакомым человеком, вдруг повторить то, что говорил он, когда разрисовывал этот листок?

Да, мне это казалось истинным волшебством! А так как я знал, что не был волшебником, то был вполне уверен, что никогда в своей жизни я не буду в состоянии прочесть ни одного письма, ни одной книги!

Моя старушка-няня, тоже безграмотная, еще более убеждала меня в необыкновенной трудности чтения, хотя и не сомневалась, что я все одолею.

— Научат, научат и тебя! — говорила она мне со слезами огорчения на глазах.

— Но как же научат?

— А уж так... ты сам узнаешь! Дадут книгу и велют читать, а если не будешь, то учительница, которую для тебя возьмут, будет сечь тебя, пока не будешь уметь.

— Но я скорее умру, чем сумею повторить, что говорил тот, кто писал книгу.

— Уж я и сама не знаю как, а только заставят! Долго-долго будут мучить! Вот Ваську на кухне (это был сын повара) уж сколько секли, а он читает пока только те книги, какие его выучили читать, а его старшая сестра Ольга может читать уж и те книги, которые видит первый раз в жизни.

— Как же она может, если никогда не видала? Я могу выучиться читать только те книги, какие меня научат читать, а книги, которые увижу в первый раз в жизни, никогда не прочитаю.

Это представление о невозможности чтения никогда невиданных книг без особого чуда держалось у меня вплоть до того